

Брус А. Казань и казанские поляки во второй половине XIX в. по данным польской прессы и мемуаров // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность / под ред. И. Шарифжанова. Казань : Изд-во КГУ, 2007. С. 62–68.

Загоскин Н. П. Спутник по Казани. Иллюстрированный указатель достопримечательностей и справочная книжка города. Казань: Типо-литогр. Импер. ун-та, 1895. Казанская периодическая печать (русские издания 1811–1916) : биограф. указатель. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1985.

Казанский университет. 1804–2004 : биобиблиогр. словарь / под ред. Н. Ф. Вульфсона. Т. 1 (1804–1904). Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2002.

Копия с проекта о соединении частной библиотеки И. А. Шидловского с Казанскою городскою публичною библиотекою. Казань : Тип. Импер. ун-та, 1871.

Каталог книг библиотеки И. А. Шидловского. Казань, 1865.

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния, СПб. : изд. Центр. стат. комитета Мин-ва внутр. дел, 1904. Т. XIV.

Субаев Н. Из жизни поляков в Казани // Эхо веков. 1996. № 3–4.

Татарская энциклопедия. В 6 т. Казань : Ин-т Татар. Энциклопедии АН РТ, 2005. Т. 2 (Г–Й).

XIII Отчет правления Общества пособия бедным Казанского Римско-Католического прихода за 1910 год. Казань, 1911.

XVII Отчет правления общества пособия бедным Казанского Римско-католического Прохода за 1914 год. Казань, 1915.

УДК 94(470.54).08+711.435

Н. Б. Граматчикова
*Институт истории
и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург*

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО И МЕМОРАТИВНОГО ЛАНДШАФТА ИРБИТА ПО ЛИТЕРАТУРНЫМ И ФОЛЬКЛОРНЫМ МАТЕРИАЛАМ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – XX вв.)¹

Статья рассматривает ключевой образ историко-культурного ландшафта малого (за)уральского города Ирбита – ярмарку, а также его аксиологическую наполненность в меморативном ландшафте трех периодов: второй половины XIX века, 1930-х и 1990-х гг. Проблема неполноты и разнородности источников фиксируется в каждом периоде.

В XIX в. позитивный образ ярмарки формируется в историко-экономических очерках Е. А. Вердеревского и А. Г. Хитрова, однако через поколение он сменяется карнавальным изображением ярмарочных се-

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант № 21-011-43019 «Мечты и память: нарративные ландшафты небольших уральских городов (1960–1980)».

знов в травелогох Н. Д. Телешова и разоблачительными интонациями беллетристики Д. Н. Мамина-Сибиряка. Образы «ярмарочных безобразий» остаются единственной памятью о ярмарке в публичном дискурсе 1930-х гг., где происходит эстетическое и этическое обесценивание всего комплекса культурного наследия ярмарки. В позднесоветское время предпринимаются попытки фиксации народной памяти о ярмарке, однако в доступных нам материалах очевидно влияние советской историографии и смена социального состава носителей памяти. Изменение отношения ко всем составляющим историко-культурного ландшафта как символическим ресурсам памяти места происходит позднее, уже в XXI в.

Ключевые слова: историко-культурный ландшафт, меморативный ландшафт, ярмарка, очеркистика, пролетарский туризм, фольклорный архив, рассказы о бродягах.

Natalia B. Gramatczikowa
*Institut Historii i Archeologii, Uralski Oddział
Rosyjskiej Akademii Nauk;
Uralski Uniwersytet Federalny
im. pierwszego prezydenta Rosji B. N. Jelcyna
Jekaterynburg*

REKONSTRUKCJA KRAJOBRAZU HISTORYCZNO- KULTUROWO-PAMIĄTKOWEGO IRBITU NA PODSTAWIE MATERIAŁÓW LITERACKICH I FOLKLORYSTYCZNYCH (DRUGA POŁOWA XIX – XX w.)

W artykule przeanalizowano kluczowy składnik krajobrazu historyczno-kulturowego małego (dla) Uralu miasta Irbit – jarmark, a także jego wartość aksjologiczną w krajobrazie pamięci trzech okresów: drugiej połowy XIX wieku, lat 30. XX wieku i lat 90. Problem niekompletności i niejednorodności źródeł jest ustalony w każdym okresie. W XIX wieku pozytywne wizerunek jarmarku ukształtowały się w esejach historyczno-gospodarczych E. A. Werderewskiego i A. G. Chitrowa, ale po pokoleniu został zastąpiony przez karnawałowy obraz pór roku w dziennikach podróży N. D. Teleszowa oraz przez objawiające się intonacje powieści D. N. Mamina-Sibirjaka. W dyskursie publicznym lat 30. XX w., w którym następuje estetyczna i etyczna dewaluacja całego kompleksu jarmarczno-gospodarczego dziedzictwa kulturowego, pozostają obrazy „targowego zgiełku”. W późnych czasach sowieckich próbowano utrwalić pamięć ludową o jarmarku, jednak w dostępnych nam materiałach wpływ historiografii sowieckiej i zmiana składu społecznego nośników pamięci są oczywiste. Zmiana postaw wobec wszystkich elementów krajobrazu historyczno-kulturowego jako symbolicznych zasobów pamięci o miejscu następuje później, już w XXI wieku.

Słowa kluczowe: krajobraz historyczno-kulturowy, krajobraz pamiętkowy, jarmark, eseje, turystyka proletariacka, archiwum folklorystyczne, opowieści o włóczęgach.

Понятие историко-культурного ландшафта (далее ИКЛ) позволяет рассмотреть сложившийся на определенной территории комплекс природных, материальных и ментальных признаков в становлении и ценностной наполненности. К нематериальным составляющим ИКЛ относятся ментальные и художественные образы. Система этих образов находится в отношении взаимозависимости с географическим и культурным ландшафтами: с одной стороны, образы формируются на основе реально существующих объектов и процессов, с другой – воплощаются в новые «земные тела культуры», то есть являются активными творцами ИКЛ.

Как показывает история словесности XIX–XX вв.², образы, формирующие локальную коллективную идентичность, обладают высокой стойкостью. Работа памяти и забвения (Я. Ассман, А. Ассман, Дж. Александер и др.) в контексте ИКЛ, на наш взгляд, может быть описана через понятие *меморативного ландшафта*, под которым мы понимаем синхронические «срезы» растянутого во времени ИКЛ, актуальные для эпохи, периода, десятилетия. Частота и радикальность смены таких меморативных ландшафтов обычно характеризует скорость социальных преобразований.

Попытки реконструировать полноту ИКЛ одного населенного пункта или территории порождают ряд научных проблем, вызванных сочетанием разнообразия и неполноты источников. Рассмотрим Ирбит, один из малых уральских городов с сильной локальной идентичностью и выраженным ИКЛ, где ключевым образом культурного ландшафта с XVII в. является *ярмарка*.

Ирбит с нынешним населением около 36 тыс. человек был основан в 1631 г. как Ирбеевская слобода и в 1775 г. получил статус города по указу Екатерины II, после событий пугачевского восстания, за верность престолу и в ознаменование заслуг местного купечества. Ярмарочная торговля Ирбита развивалась динамично, в том числе в силу расположения города: Ирбит находится примерно на равном расстоянии между Тюменью и Екатеринбургом (около 200 км), к северу от обоих городов.

² Под словесностью мы понимаем всю совокупность созданных людьми письменных текстов, в число которых входят не только художественная литература, но и тексты нехудожественные, фольклорные и эго-документы. Расширение исследовательской рамки позволяет работать с образами территории, которые рождаются и развиваются в вне художественного контекста «изящной словесности».

В XVIII в. историко-культурный ландшафт Ирбита, в той его части, что связана со словесностью, остался запечатленным в текстах известных путешественников (государственных деятелей и чиновников), посещавших ярмарку: В. Н. Татищева, И. И. Лепехина и др. Однако более плотные литературные описания Ирбита создаются, начиная с середины XIX в. и представляют собой комплекс сюжетов / взглядов «изнутри» и «извне» на ирбитскую ярмарочную историю.

Раньше других нарратив о ярмарке как экономическом феномене литературно оформляется в очерках Е. А. Вердеревского (1849) и А. Г. Хитрова (1872). Несмотря на то, что первый – молодой чиновник, недавно приехавший на Урал, а второй – редактор местной газеты «Ирбитский ярмарочный листок», их тексты объединяет уверенность в том, что ярмарка есть свидетельство экономического здоровья: тема *доверия*, без которого невозможна успешная торговля, присутствует у того и другого. Публикуя обзор Ирбитской ярмарки в столичном журнале, Вердеревский фактически создает образ (за)уральского³ города-соперника Нижнего Новгорода: зимняя Ирбитская ярмарка открывала сезон, назначала цены, была ориентирована на Сибирь и находилась на втором месте по оборотам в России; летняя Нижегородская обслуживала всю Россию и уверенно держала первое место по обороту. Вердеревский выделяет отличительные особенности ирбитской ярмарки: оптовый характер торговли и большой удельный вес предметов роскоши [Вердеревский, 2008, с. 9].

В очерке А. Г. Хитрова «К истории города Ирбита⁴ и Ирбитской ярмарки», составленного, как отмечает автор, на основании исторических и краеведческих статей Н. К. Чупина, Н. Е. Эйгера, Н. И. Костомарова, а также материалов «Ирбитского ярмарочного листка», впервые представлена проработка ценностного наполнения историко-культурного прошлого ярмарки и города. Это первый текст, который репрезентативен как фиксация меморативного ландшафта, если понимать под последним актуальный на настоящий момент «срез памяти». В очерке Хитрова Ирбит и ярмарка изображены более независимыми друг от друга, чем это можно было ожидать, руководствуясь принципом, что ярмарка – только часть городского культурного ландшафта длиной в один месяц, большую часть времени город живет без нее. Между тем образность А. Хитрова описывает ярмарку как явление самостоятельное, свободное в выборе места (точнее, зависимость здесь настолько многосоставная и непроясненная, что

³ Современный Ирбит входит в Свердловскую область, поэтому относится к Уралу как макрорегиону. В текстах XIX в. и в части современных он назван зауральским или сибирским городом.

⁴ А. Г. Хитров использует устаревшее ныне именование города в женском роде.

представляется почти свободой воли), наделенное внутренней силой, истоки которой – загадочны. Оказываясь объектом вождения чиновников и соседей-городов (Верхотурья, Тюмени и Екатеринбург прежде всего), ярмарка не изменяла Ирбиту и продолжалась в нем «наперекор всем не благоприятствующим обстоятельствам» [Хитров, 1872, с. 13]; при этом даже важная локальная история сопротивления войскам Пугачева, определившая столичную благосклонность к Ирбиту, перемещается для Хитрова в «тень» ярмарки, т. е. продолжает заданную ярмаркой логику развития, но не определяет ее ход. Аналогичным образом описывается и страшный пожар 1790 г., позволивший продемонстрировать сплоченность купечества как сообщества в последующей застройке центра города.

В текстах Вердеревского и Хитрова, отражающих в большей мере позицию «изнутри», мы получаем шанс если не услышать голос главной действующей силы местных преобразований – ирбитского купечества, то прочесть заявку на необходимость такого голоса: «Уловить тонкости, по которым образуются и развиваются ярмарки чрезвычайно трудно и вернее всех может указать и определить их само купечество» [Там же, с. 78].

Между тем период десятилетий 1850–1870-х гг. – один из важнейших для репрезентации коллективной идентичности местного купечества, которая выстраивается средствами иного, невербального текста: городское пространство обустроивается в соответствии с ярмарочной инфраструктурой, при этом разрабатывая сюжеты, соединяющие уездный Ирбит со столицей. Символический центр города занят торговыми площадями, гостиным двором и Пассажем. Памятник Екатерине II работы петербургского монументалиста М. О. Микешина и лучевая планировка главных улиц перекликаются с архитектурным кодом столицы империи, повторяя знаменитый «невский трезубец»⁵. Вклад купечества как сословия в культурный ландшафт этого периода состоит и в разработке социальной инфраструктуры, обеспечивавшей скорость и безопасность торговых операций⁶ и строительстве зданий жилого, делового и общественного назначения. «Каменное кружево» Ирбита складывается из купеческих домов, здания казначейства, уездной земской управы, почтово-телеграфной конторы, земской аптеки, мужской и женской гимназии и др. Образно говоря, городская застройка представляла собой «архитектурный текст» сословия, чей литературный голос был разработан слабо.

⁵ В свете нашей темы показательная история строительства Пассажа (1856–1864), первоначально предназначавшегося для городского театра, но выкупленного торговым сообществом.

⁶ Об информационной роли ирбитской ярмарки как своеобразной презентационной «витрины» товаров см. [Ершов, 2011, с. 144].

Ирбитская ярмарка привлекала не только непосредственных участников торговых операций и тех, кто зарабатывал на обслуживании ее инфраструктуры, но и путешественников, этнографов и литераторов, формирующих «внешний» взгляд на ярмарочные сезоны. В такого рода репрезентациях можно выделить две тенденции изображения.

У истоков первой вновь стоит Е. А. Вердеревский с книгой путевых очерков «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги» (1857). В письме № 2 под названием «Ярмарка» Вердеревский дает живое описание своего пребывания в Ирбите зимой 1853 г., когда благодаря помощи одного молодого человека, завсегдага ярмарочных сезонов, ему удалось увидеть «все закоулки ярмарочного мира; ...все, что стоило и что не стоило осмотра» и узнать «все здешние анекдоты» [Вердеревский, 2008, с. 39]. Общее настроение ярмарки, по Вердеревскому, определяется сочетанием специфической публики («Сибирь ликует») и *обязанностью веселиться*, разделяемой всеми на Масленицу [Там же, с. 42]. Суматоха, путаница, смешение сословий и языков одеты здесь в праздничные одежды и, скорее, влекут и удивляют, не принося печальных последствий.

Тридцать лет спустя Н. Д. Телешов, начинающий литератор, выходец из купеческого сословия, создает образ ярмарки с опорой на этот текст Вердеревского. Телешов несколько раз обращается к Ирбиту: первый раз в 1883 г., описав со слов приятеля азартную пятидневную гонку московских купцов до Ирбита как своеобразную эмоциональную увертюру торгового сезона [Телешов, 1983], второй – оставив очерк летнего, пустого и мертвого Ирбита, через который пролегал его путешествие за Урал [Телешов, 1897]. Из очерка Вердеревского и материалов ярмарочной газеты Телешов составляет представление о ярмарке как всепоглощающем пространстве хаоса, глубоко парадоксальном по своим проявлениям:

«Ирбитская ярмарка – это место, куда всем и отовсюду ехать далеко и одинаково неудобно, но куда все-таки едут... куда привозят товаров на десятки миллионов рублей, где ютятся по каморкам, живут в магазинах, где встают до восхода солнца, а ложатся чуть не на утренней заре <...>, где татары, евреи, православные русаки и столичные коммерсанты пропивают магарычи, хлопочут, суетятся, работают, где до пены у рта спорят из-за гривенника в товаре и где ночи напролет просиживают за картами, спуская тысячи и пропивая сотни рублей. Ирбитская ярмарка – это съезд крупнейших коммерсантов, арфисток и фокусников, мелких торгашей и помещиков, фотографов и заводчиков, докторов и актеров, столичных шулеров и губернских карманников; здесь имеется и про-

дается все, начиная с ситца, сала, кошачьей шнурки и кончая брильянтами... <...> здесь делают громадные миллионные обороты временные отделения банков, издается временная ярмарочная газета: здесь же торгуют пряниками и живыми кошками, – словом, нет такого дела и предмета, которые не нашли бы здесь применения» [Телешов, 1897].

Развивая логику и образность Телешова, ярмарка в таком видении – это пространство иллюзии⁷ и небезопасной игры, что актуализирует черты ярмарки как гетеротопии, т. е. «другого пространства», подчиненного своим собственным законам [Фуко, 2006].

В свою очередь, непризнание за ярмаркой особого типа устройства, желание встроить ее в «цивилизованный мир», вызывает критическое изображение ярмарочных сезонов в рассказах и романах Д. Н. Мамина-Сибиряка «Штучка» (1883), «Крупитчатая» (1891), «Приваловский миллионы» (1883) и др. Для Мамина очарование ярмарки сопоставимо с обольщением, опьянением, половодьем, эпидемией (метафорические именованья ярмарки у Мамина), которым сложно, но необходимо противостоять. Мамин отказывается оправдывать «лихорадочное оживление дикого ярмарочного месяца» летаргическим сном остальных одиннадцати [Мамин-Сибиряк, 1954] и без снисхождения фиксирует участие всех сословий «в картине безобразий, которыми познаменовывается Ирбитская ярмарка», как аттестует редактор очерк Мамина [Мамин-Сибиряк, 1917]. В ярмарочном море тонет всякий, кто попадает туда.

Таким образом, к концу XIX в. в уральской литературе сложился критический взгляд на ярмарочную торговлю: Ирбит оказывался на окраине цивилизованного мира, ведь «свежий человек, привыкший жить в относительно культурных условиях... не поверит, чтобы в отдаленном Приуралье еще могла производиться тайная торговля людьми» [Мамин-Сибиряк, 1954], хуже дела лишь на севере, где на ярмарках царят колониальные практики обмана и спаивания местного населения, о чем писал, в частности, уральский путешественник и литератор К. Д. Носилов [Носилов, 1898].

XX в. стал окончанием ярмарочной истории и изменил характер памяти о ней. Гражданская война оставила тяжелый след в памяти жителей Ирбита, в том числе из-за расстрела красными в июле 1918 г. 22 заложников из числа наиболее известных горожан: купцов, учителей и др. [Бороздин, 2008]. В 1920-е гг. предпринимались попытки возродить ярмарку, даже публиковались воспоминания очевидцев ее дореволюционного размаха [Субботина], однако сами экономические и социальные механизмы ярмарочной торговли находились в проти-

⁷ Сложности в восприятии «невидимой руки рынка» как источника доходов на зауральском материале отмечал М. Ф. Ершов [Ершов, 2011, с. 149–150].

воречии с установками новой власти, не говоря уже о репрессиях против представителей купеческого сословия.

С началом коллективизации Ирбит и окружающие его сельскохозяйственные районы становятся ареной социального эксперимента. В 1929 г. в 50 км к юго-востоку от Ирбита был организован крупнейший на Урале колхоз-коммуна «Гигант». Он расположился на стыке Еланского, Знаменского и Байкаловского районов на площади в 275 тыс. га. В коммуну вошли 10 тыс. хозяйств, 60 тыс. едоков, а также сельхозинвентарь и скот. Просуществовала она недолго и уже в марте 1930 г. начала распадаться, образовав 150 колхозов [Денисевич, Бездомов]. Однако «Гигант» оставил след в историко-культурном ландшафте Ирбита, поскольку получил широчайшую известность: о нем писал М. Горький [Горький, 1931], столичные [Лебедев, 1930] и местные журналисты [Ловцов, 1931]. В путеводителе «По советскому Уралу» (1930) колхозу «Гигант» посвящена отдельная глава, где анонсируются мощная машинотракторная база колхоза (80 тракторов), школа трактористов на 200 человек, издание собственной газеты, стопроцентная телефонизация и радиофикация района в течение ближайшего года и др. [По советскому Уралу, 1930, с. 454–455]. Немногие месяцы существования колхоз активно принимал крестьянские экскурсии, а также журналистов и научных работников из Москвы [Там же, с. 455], ведь масштаб заявленного обобществления был таков, что оставлял «далеко позади себя американские рекорды фермерского строительства, доходящие только до 40 тыс. га» [Там же, с. 453]. Таким образом, фокус внимания рубежа 1920–1930-х гг. передвигался с города на преобразование окрестных деревень.

В книге пропагандиста «пролетарского туризма» Н. Ловцова «К большому Уралу» (1931)⁸ дан обзор передовых объектов индустриализации и коллективизации Урала: Симоновской коммуны в Златоусте, шахт Кизела, базы Общества пролетарского туризма и экскурсий в Надеждинске и др. Очерк «Ирбит и Краснополянк» – самый большой в книге, в нем радикально переосмысливается культурный ландшафт города. Рассмотрим средства такого литературного реформатирования «памяти места».

Первые же строки очерка связывают образ Ирбита с неприглядным прошлым: «Город выглядел сонным, подагрическим старцем. Сизый туман поднимался из оврагов и болот и заползал в низины, прижимался к серым фундаментам домов, похмельным пьяницей вздрагивал под заборами» [Ловцов, 1931, с. 25]. Былой размах ярмарки оставил после себя «разноцветные домики», которые теперь «дремали в полусне, доживая свой век и вспоминая о былых торжищах»,

⁸ Об этом направлении на Урале см. подробнее [Граматчикова, 2019].

рассказывая о «непонятной скорби» [там же, с.26]. Ловцов движется к центру города среди «диковинных зданий», «экспонатов ярмарочных торжищ», где «каждый квартал мог удивлять своей архитектурой», однако музеефикация этого «материала для историков и археологов» не интересует автора, застройка города оценивается им как «архитектурная бессмыслица». Ныне печать тления и разрушения лежит на всех постройках – «все посерело, обрызгло, покосилось» [Там же, с. 26–27].

За обесценивающим обзором архитектуры Ирбита следует описание его герба, сопровождаемое уничижительными комментариями в адрес купечества и выводом: «Ирбит ярмарочный – гнездо разгула, пьянства, разврата» [Там же, с. 27]. Ловцов «переписывает» и прошлое Ирбита: в частности, вклад горожан в пугачевское движение оценивается им как позорный: «Ирбит – единственный город Урала, который восстал против “бунтаря” Пугачева», «силой денег, хитростями и угрозами» спасая «толстосумов» [Там же, с. 28]. В таком контексте памятник Екатерине II на центральной площади Ирбита оказывался памятником сговору богачей-обманщиков. Эмоциональная заряженность текста Н. Ловцова помогает понять тот культурный контекст, в котором местному музейному сообществу не удалось уберечь от переплавки снесенный еще в 1917 г. памятник императрице. «Освобожденная» от Екатерины площадь стала именоваться площадью Свободы, а после установки памятника Ленину (на постаменте памятника Екатерине II) в 1937 г. получила имя вождя пролетариата [Алексеева].

Из мифологических фольклорных сюжетов Ирбита Ловцов останавливается на теме подземных ходов («ирбитских катакомб, ирбитских трущоб»). «В этих подземельях местные торгаша расправлялись с приезжими гостями – туземцами севера и южноуральских степей. Заманив доверчивого “инородца” к себе, угостив его, они волокли в подвалы, а там в лучшем случае приковывали цепями к стене или же, всадив нож, тащили к реке Нице. В первом случае через родных они требовали за пленника выкуп, во втором обирали» [Там же, с. 27–28]. Так раскрывается причина «непонятной скорби» разрушающихся домов Ирбита, много лет служивших местом преступлений и сокрытия обмана.

Уничтожение такой памяти – естественный и одобряемый процесс того времени, ход которого был зафиксирован Ловцовым: на момент его посещения Ирбита сохранилась лишь десятая часть «ярмарочных корпусов», остальное пошло на материал для «рабочего строительства»; той же участи ожидает «красное, безобразно тяжелое и лишенное всякого вкуса здание театра» и колокольня кафедрального собора, уже лишенная креста и ограды вокруг. «Молодой парень с энергичным лицом» и «солидный представитель техники» обсужда-

ют лишь процесс сноса «церковной массы»: «подорвать» или «разбирать по кирпичику» [Там же, с. 28–29].

Итак, в 1931 г. Ирбит лишен самостоятельной ценности как туристический объект, становясь лишь вынужденной остановкой – «обыкательским болотом», через которое нужно «пробраться в явь сегодняшних боев, в места, где ведется закрепление коллективных методов обработки земли, туда, где единоличники стали походить на покосившиеся и гнилые дома с антресолями Ирбита» [Там же, с. 30]. «Точка роста» района – Краснополянок, колхоз «Гигант».

Дорожный контекст путешествия Ловцова от Ирбита до Краснополянска до предела насыщен эмоциями, заставляя вспомнить рассказ Н. Телешева «На тройках» (однако эмоциональный ряд Ловцова полярно противоположен очерку Телешева). Образы-константы травелогов XIX в.: кони, повозки, ямщики, звон колокольчиков и ухабы на дорогах. И хотя кони у Ловцова сыты, такой устаревший способ передвижения вызывает жгучее раздражение автора: ведь рядом идет строительство автомобильной трассы («новое шоссе с ватерпасной прямолинейностью направлялось от Ирбита к колхозникам» [Там же, с. 31]). Раздражение автора концентрируется на звоне бубенцов, которые поют «о забытом прошлом, о гнилой и пьяной Руси, о поповском молении»; «их звон... стар, не нужен»; «он когда-то веселил души купцов, был радостен взяточнику-чиновнику, давал надежду на чаевые станционному зрителю, но нам он чужд, чужд до дикости» [Там же, с. 30–31]. Визуальный ряд поездки столь же неприятен «пролетарскому туристу» как «дань прошлому – ясак духовному закабалению»: дорожный ландшафт организован чередой «побеленных, солидных, дородных» церквей и часовен, «одна замысловатее другой» (около 20 на 40 км дороги). Ловцов пишет: звон колокольцев и вид храмов «злили и доводили меня до бешенства. Однако я напрасно злился. Через минуту я громко смеялся над звоном колокольцев, – церкви были или без куполов, или без крестов. Они были развенчаны» [Там же, с. 32], а часовни уже использовались под склады инвентаря для шоссе.

Итак, поездка Ловцова по «точкам роста» нового социалистического Урала связана с переводом их прежнего историко-культурного наследия в статус «мест забвения» через активное насыщение меморативного ландшафта идеологически верными эмоциями и чувствами. Безусловно, не литература была драйвером изменения ИКЛ (Ловцов лишь фиксирует и приветствует изменения, но не участвует в них непосредственно), однако она активно сопровождала это переформатирование, а главное, тексты обладали накопительным эффектом. Так, мы видим, что в сборниках 1930-х гг. происходит скачкообразный

рост негативных чувств по отношению к «изнанке» ярмарочной торговли, характерный для дореволюционных очерков гуманистической направленности. При этом в сферу отвергаемого попадает гораздо более широкий культурный пласт, нежели раньше, включая представителей «уходящих сословий», объекты прежнего культурного и религиозного ландшафта; литература и публицистика активно работает на разрыв межпоколенческих связей и обесценивание сложившихся природно-архитектурных ансамблей и социальных институтов. Результатом этих процессов стал приоритет актуальных практических производственных нужд над эстетической составляющей прежнего ИКЛ и изменение коллективной идентичности горожан, живущих в другом социокультурном пространстве. Изменение меморативного ландшафта Ирбита отразилось в новой топографии, переименовании площадей и улиц, перестройке и сносе зданий, храмов, памятников.

В советское время конструирование ИКЛ продолжалось уже в новой идеологической парадигме, среди послевоенных активных участников этого процесса были местные музейное, краеведческое и литературное сообщества (краеведы И. А. Антропов и Я. Л. Герштейн, писатель И. И. Акулов, директор центральной городской библиотеки И. Н. Бармин и др.). Их вклад в сохранение и создание ИКЛ Ирбита еще нуждается в серьезном изучении. Рассмотрим два сюжета позднесоветского времени, связанных с образом ирбитской ярмарки спустя 60 лет после описанных Ловцовым процессов.

Для позднесоветского времени нам доступны источники иного рода: не только публицистика, художественная литература и путеводители, но и материалы устной истории и фольклора.

В 1990–1991 гг. в Ирбите проходила фольклорная практика студентов-филологов Уральского государственного университета (УрГУ) под руководством доц. В. А. Липатова. Материалы практики хранятся в фольклорном архиве филологического факультета УрФУ и являются по-своему уникальным источником по реконструкции меморативного ландшафта⁹. Сбор фольклора происходил методом тотального обследования без специальной целевой программы. Материалы полевых экспедиций в Ирбит 1990–1991 гг. составляют шесть папок: в пяти содержатся записи песен и частушек (песен более 300, частушек около 1 тыс.), в одной – устные рассказы горожан в жанровом отношении очень пестрые: здесь и воспоминания о календарной обрядности, и записи молитв и заговоров, устные рассказы, предания, былички, сказки.

⁹ Насколько нам известно, в таком объеме фольклорный материал Ирбита более нигде не зафиксирован.

При анализе собранного во время фольклорной практики материала следует учитывать несколько факторов, среди них характер отношений возрастных информантов и студентов (последние воспринимаются как «городские», «чужие», «молодежь», «девушки» (в экспедиции было всего двое юношей-участников, но их материалы отличаются от того, что записывали девушки)) и краткость контактов-встреч, что нередко не позволяет информанту выйти за пределы (само)цензуры, – воспроизводятся лишь социально приемлемые нарративы; специфику понимания «фольклора» в советское время, где существовала идеологически выдержанная иерархия жанров¹⁰ и др. Таким образом, при реконструкции меморативного ландшафта проблемой является не только неполнота собранных материалов, но и их (неизбежная) тенденциозность.

Наша исследовательская гипотеза состоит в том, что для реконструкции такого ландшафта можно привлечь весь объем песенного фольклора, систематизировав песенный материал в жанровом и временном отношении¹¹: исполнение песен не подвергается самоцензуре такой интенсивности, которая свойственна нарративному прозаическому высказыванию. Учитывая высокий уровень миграций в XX в., важно осознавать, что не вся «песенная память» родилась в этой местности, но вся стала составной частью меморативного ландшафта города тех лет.

Среди записанной студентами несказочной прозы обращает на себя внимание большое количество сюжетов о «бродягах» и переодетых грабителях. Все они повествуют об опасностях, которые несут с собой «чужие», «пришлые», об особой и немотивированной жестокости, с которой те расправляются со своими жертвами, и о способах, которыми можно спасти свою жизнь: ударить или выстрелить первым, не оставлять родных наедине с «чужими», пойти на хитрость, отправить непрошенных гостей проверять документы и др. Таким образом, подозрительность, недоверие к чужим является частью сюжетного фонда фольклорного материала Ирбита 1990–1991 гг. Приведем полностью текст не публиковавшегося прежде фабулата, поскольку он перекликается с историями об «ирбитских трущобах» Н. Ловцова:

¹⁰ Надо сказать, вопросы сбора фольклорного материала и целесообразности его редактирования поднимались заведующей кафедры фольклора УрГУ В. П. Кругляшовой – см. [Кругляшова, 1976]. Однако общая установка на «рабочий фольклор» находилась в приоритете.

¹¹ Большую работу в схожем направлении на материале песенного фольклора Кемеровской области проделала Виктория Викторовна Трубицина, за последнее десятилетие издав статьи и опубликовав фольклорные архивные материалы тюремных песен, песен «каторги и ссылки», духовных стихов, песен литературного происхождения и др. – см. ее многочисленные сборники и статьи.

Раз поехал мужик на мельницу на двух лошадях. Намолол большой воз хлеба, а обратно надо было ехать несколько километров. Решил мужик переночевать с мукой в одной деревне.

Стукнулся в одну избу – его не пустили ночевать, говорят: «Постучись вон к тому мужику!» Постучался он – выходит хозяин. Мужик говорит: «Пустите меня переночевать с мукой!» Хозяин сразу: «Заходи, пожалуйста, у нас и конюшни хорошие, и муку твою в завозню поставим». Ну, мужику делать нечего. Коня в конюшню поставил. Надо муку в завозню ставить. Хозяин ему: «Берешь за оглобли, а я буду сзади толкать». Только мужик в завозню зашел, хозяин сразу двери закрыл: «Жди! Утром расчет будет». Убить, значит, хотели утром. Остался мужик в завозне, достал спички, хоть какую-нибудь оборону решил держать. Думает: «Если он меня сразу не застрелит, хоть раз да ударю». И нашел погреб в полу. Открыл погреб – а там трупы, люди погубленные. А сбоку стоит печня (сейчас ее ломом называют, а это не лом, а острая такая палка, кол заточенный). Мужику было боязно в погреб к мертвецам спускаться, но все ж решился, слез, взял эту печню, решил ею обороняться.

Вот уж под утро, часа в четыре, когда все уgomонились, слышит мужик шаги. Хозяин идет: «Расчет несу!» Только дверь открыл, а мужик его сразу печней ударил и насмерть. Вышел из завозни кричит: «Всех прибить!» Может, кто и был в доме, только никто не вышел, побоялись.

Мужик сбил печней цепь с ворот – и бежать по улице. Бежит и кричит: «Погибаю!» Это он уж напугался так.

Потом приехал урядник, и ничего тому мужику не было за это убийство. Коней ему вернули: «Запрягай и езжай домой!» [Бузина, 1990].

Страх – главный объект изображения в этой истории: агрессия хозяина выражена минимально, она вся предполагается (за исключением заточения гостя): погреб с трупами становится буквально «окном в прошлое» / будущее для героя рассказа. Аффект, в котором пребывает герой на всем протяжении повествования, достигает кульминации – паники после удара первым. Характерно, что рефреном подобных «ирбитских» историй «со счастливым концом» становится финальное замечание «ничего ему / им за это не было», приводящее в соответствие чувство справедливости повествователя и действующие правовые нормы.

Итак, обратим внимание на стойкость мотива о «темном нижнем мире» (погребях с трупами ограбленных) в ирбитском меморативном ландшафте, но заметим, что в народной прозе этот мотив не связан ни с характеристикой купеческих торговых практик, ни с ярмарочным контекстом Ирбита, развившись в страшную историю «прежнего времени».

Из значимых для дореволюционной ярмарочной истории Ирбита персонажей в фольклорных записях есть лишь текст о Распути-

не на временной (осенней) ярмарке¹² и поговорка «Богат как Зязин», демонстрирующая память об одном из интереснейших персонажей ирбитского купечества – Дмитрии Васильевиче Зязине (1835–1918). Таким образом, сюжеты об ирбитской ярмарке практически перестали встречаться «на поверхности», будучи замещены указанными выше мотивами встреч со всевозможными «чужими», включая ссыльных, раскулаченных и эвакуированных в Ирбит и окрестности.

В те же годы ирбитский краевед Иван Яковлевич Антропов публикует книгу «Были Ирбита» (1992), составленную по материалам устных свидетельств о ярмарке, записанных им от старожилов города. Рассказы вошли в книгу в отредактированном виде, указан автор каждого повествования, однако год фиксации нарратива не приводится, хотя, судя по возрасту информантов, разброс может составлять более десятилетия. Возможно, Антропов включил в эту книгу все, что ему удалось собрать о ярмарке за все годы своей деятельности.

В жанровом отношении «Были Ирбита» представляет собой комплексное повествование, цель которого – создать живое, увлекательное и достоверное повествование о ярмарке как основе былой жизни Ирбита, в котором были бы различимы разные голоса, разные «памяти». Автор включает в книгу сведения экономического характера, таблицы и списки, цитаты из художественной литературы и архивных материалов (чаще всего без ссылок на источники), очеркистики. Структура книги представляет собой попытку реконструкции памяти обо всех участвующих в ярмарочных сезонах сословиях: главы «Все в гости к нам», «Кураж, или картины развлечений», «Именитые», «Простолудье»; работу с категориями судьбы и случая (главы «Судьбы», «И такое бывало»); рассказы об архитектурном наследии Ирбита (глава «Дворянские усадьбы»).

Книга примечательна не только как состоявшийся краеведческий проект, но и как свидетельство (ре)конструкции образа ярмарки в позднесоветский период. Основные носители памяти о ярмарке в ней – ирбитчане и жители окрестных деревень, т. е. те, кто зарабатывал на обслуживании ярмарочной инфраструктуры: бывшие домовладельцы [Антропов, 1992, с. 54–56, 59, 63–65] и сезонные работники: охранники, извозчики, истопники Пассажа, садовники, младшие приказчицы, горничные, мальчики и девочки «на побегушках». Если в очерках XIX века чаще всего фиксировался внешний взгляд на ярмарку, то здесь запечатлена память автобиографическая, с позиции «свидетеля» и «современника», и гораздо реже – «участника».

¹² В книге И. Я. Антропова так же есть сюжет о Распутине – под названием «Все могущий» [Антропов, 1992, с. 82–83], но в связи с ограничениями объема статьи мы оставим его без рассмотрения.

Для этой коллекции нарративов характерны несколько сквозных мотивов. Во-первых, частотны мотивы, введенные в ИКЛ Ирбита Вердеревским и Хитровым – о доверии и стабильности деловых отношений, важности репутации для участия в ярмарочных сезонах. Деловые связи складывались и поддерживались годами на самых разных социальных уровнях [Там же, с. 57–58; с. 63–65 и др.]. Во-вторых, вспоминаются разнообразные случаи, произошедшие с рассказчиком или его знакомым, характеризующие ярмарочные нравы: даровые деньги, зависть и жадность, поездка до «последних ворот», развлечение купечества. Таким образом, народная память выражает «внутренний взгляд» на ярмарочную торговлю, хотя и не заполняет лакуны «событий» (в отличие от «случая») и «участников», т. е. центральных позиций для ярмарочной картины мира. Мозаичность и неполнота представленной картины осознана автором, который находится в положении историка и фольклориста, собирающего свидетельства «ходящей натуры».

Остановимся на образе купечества (когда-то – «господствующей ноты» ярмарки), как он представлен в «Былях Ирбита». У Антропова этот образ складывается из историй тех, кто потерял имущество при Советской власти и не смог этого пережить [Там же, с. 84–85].

Купцу первой гильдии Дмитрию Васильевичу Зязину посвящена отдельная небольшая глава [Там же, с. 86–89]. Вообще по сочетанию нескольких факторов: богатства, работоспособности, деловой хватки и скупости, нарушаемой в историях, становящихся анекдотами, Зязин был наиболее активным генератором ирбитских «баек». Антропов приводит несколько анекдотов, характеризующих скупость и язвинское специфическое чувство юмора. Однако все положительные характеристики замены синонимичными негативными: соблюдение четкого распорядка дня – «ходячая машина», желание строить так, чтобы «смотреть было любо» – болезнь и слабость, мужество в истории с вымогателем – болезненная скупость и др.

В 1992 г. Антропов с опорой и ссылкой на архивные материалы¹³ приводит историю гибели Зязина: он вместе с сыном был расстрелян в июле 1918 г. среди 22 заложников. Для истории расстрела 83-летнего купца Антропов использует клише «погиб в горниле гражданской войны», что предполагает очистительный смысл этого действия. Ответственность за гибель возлагается здесь на Зязиных, причем используется фольклорная сюжетная развязка сказки о скупце. Пострадали Зязины «за отказ внести сто семьдесят тысяч рублей на укрепление советской власти. В березовой роще за городским клад-

¹³ Антропов дает следующую ссылку на ирбитский архив: Ф. 36-с. Д. 1. С. 6–7 [Антропов, 1992, с. 89].

бищем жители города смотрели на трупы отца и сына¹⁴ и окончательно убедились в беспередельной скупости упрямого купца» [Там же, с. 89]. Информация о том, что на Зязиных была наложена огромная контрибуция в 500 тыс. рублей, которую они выплатили, не получив обещанного освобождения, а отказались выплачивать дополнительные 170 тыс., автором книги не озвучивается. С публикацией в 1993 г. архивных материалов Ирбитской следственной комиссии временного Сибирского правительства, вызвавших большой общественный резонанс, произойдет смена меморативных практик в отношении этого персонажа. Однако готовность к иной трактовке образа, где значение «своего» (через уменьшительную форму имени) доминирует над характеристикой «социально чуждого» можно отметить даже в отредактированных материалах Антропова, где рассказчики сопровождают истории о Зязине фразой: «Слышали, какой нынче номер Митя отмочил?» [Там же, с. 77].

Итак, рассмотренные нами тексты, безусловно, не исчерпывают всех тем, мотивов и образов ИКЛ Ирбита за полтора столетия. Мы лишь обозначили периоды и способы радикальных трансформаций меморативного и культурного ландшафта, зафиксировали одновременное присутствие механизмов «забвения» и стойкость сюжетов о ярмарочной торговле. Меморативный ландшафт формируется и профессиональными литераторами и историками, и народной устной памятью, однако методика фиксации фольклорного материала нуждается в рефлексии. 1990-е гг. – время, когда следующее радикальное изменение меморативного и культурного ландшафта уже стоит на пороге, однако пока оно практически не проявляет себя в рассмотренных нами материалах.

Алексеева Е. Г. Исторический парадокс, «объединивший» Екатерину II и В. И. Ленина // МКУК «Историко-этнографический музей». URL: <http://irbitiemi.ru/irbitskiy-paradoks-obedinivshiy-ekaterinu-ii-i-vi-lenina> (дата обращения: 20.11.2021).

Антропов И. Я. Были. Ирбит : [б. и.], 1992.

Бороздин К. А. Расстрел ирбитских купцов // Веси. 2008. № 9. С. 62–66.

Бузина Т. Е. Раз поехал мужик на мельницу... // Фольклорный архив УрФУ. Свирдл Ирбит_1990_04. № 624. Л. 630–631. Записано Н. Баландиной Н. и Е. Васильевой летом 1990 г. в г. Ирбит от Бузиной Татьяны Емельяновны, 1913 г. р., на момент записи 76 лет, уроженки д. Косари Ирбитского района.

Верской Е. [Е. А. Вердеревский] Ирбитская ярмарка // Отеч. записки. 1849. Т. 65. Отд. IV. С. 1–16. НЭБ. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_60000277564/ (дата обращения: 12.10. 2021).

¹⁴ Судя по опубликованным в 1993 году архивным следственным документам, тела Зязиных были похоронены одними из первых см.: [Ирбитская трагедия, 2007].

Вердеревский Е. А. Ирбитская ярмарка. От Зауралья до Закавказья. Сер. «Ирбитская старина». Вып. 2. Ирбит: б/и, 2008.

Горький М. О детях // Наши достижения. 1931. № 2. Февраль. URL: <http://gorkiy-lit.ru/gorkiy/articles/article-137.htm> (дата обращения: 20.11.2021).

Грамотчиков Н. Б. Пролетарский турист как адресат путеводителей: формирование историко-культурного ландшафта индустриального Урала в очерках Н. Ловцова 1930-х гг. // Цифровизация коммуникативно-культурной памяти: роль журналистики как социального института : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Екатеринбург, 25–26 апр. 2019. В 2-х ч. Ч. 2. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. С. 22–29.

Денисевич М. Н., Бездомов В. И. Коммуна // Урал. ист. энциклопедия. Ин-т ист. и археол. УрО РАН. 1998–2004. URL: <http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-10-979-kommuna.html> (дата обращения: 20.11.2021).

Ериов М. Ф. Северные зауральские города и региональная торговля в XIX веке: проблемы адаптации // Вестн. угроведения. 2011. № 1 (4). С. 135–153.

Ирбитская трагедия (подг. Е. А. Ефтефьева) // Архивы Урала. 2007. № 11. С. 91–108.

Кругляшова В. П. К истории и методике собирания преданий // Фольклор Урала. Свердловск: [УрГУ], 1976. [Вып. 1]. Народная проза. С. 3–23.

Лебедев В. В. Мы живем в «Гиганте». М. : Крестьянская газета, 1930.

Ловцов Н. А. К большому Уралу. М. ; Л. : ОГИЗ – Физкультура и туризм, 1931.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Крупитчатая // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М. : Худ. лит., 1954. URL: http://az.lib.ru/m/maminsibirjak_d/text_0332.shtml (дата обращения: 12.10.21).

Мамин-Сибиряк Д. Н. Штучка // Д. Н. Мамин-Сибиряк. Полн. собр. соч. Т. 12. Петроград : Изд-во товарищества А. Ф. Маркс. 1917. URL: http://az.lib.ru/editors/m/maminsibirjak_d/text_1883_shtuchka_olderfo.shtml (дата обращения: 12.10.21).

Носилов К. Д. Обдорская ярмарка и история меновой торговли на Севере Сибири // Урал. 6 февр. 1898. № 312, 315.

По Советскому Уралу (сост. А. А. Анфиногенов, А. В. Баранов, В. А. Гензель, Е. М. Ляшков). Свердловск : газ. изд-во Уралоблисполкома, 1930.

Субботина И. В. О прошлом Ирбита // Ирбит – максимум информации. История. URL: <http://irbit.info/history/memorials/irbit/6154/> (дата обращения: 20.11.2021).

Телешов Н. Д. На тройках // Телешов Н. Д. Рассказы, повести, легенды. М. : Сов. Россия, 1983. С. 34–91.

Телешов Н. Д. За Урал: из скитаний по Западной Сибири. М. : Типогр. Тов-ва И. Д. Сытина, 1897 // Ураловед. URL: <https://uraloved.ru/starosti/teleshov-i-ego-puteshestvie-po-uralu> (дата обращения: 12.10.21).

Фуко М. Другие пространства // Интеллектуалы и власть : избр. полит. статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М. : Практис, 2006. С. 191–204.

Хитров А. Г. К истории г. Ирбита и Ирбитской ярмарки // Ирбит : Тип. А. А. Дробинина, 1872.